

Малис Юлий Германович

**Н.И. Пирогов. Его жизнь и
научно-общественная
деятельность**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ю33

Ю33 **Юлий Германович М.**
Н.И. Пирогов. Его жизнь и научно-общественная деятельность / Малис Юлий
Германович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 98 с.

ISBN 978-5-519-95067-1

ISBN 978-5-519-95067-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
I. Раннее дѣтство. — Домашняя обстановка. — Первые учителя. — Пансіонъ Кряжева. — Разореніе семьи Пироговыхъ. — Поступленіе въ университетъ.	
II. Московскій университетъ 20-хъ годовъ. — Смерть отца. — Предложеніе Е. О. Мухина записаться въ профессорскій институтъ. — Выборъ хирургіи своею специальностью. — Лекарскій экзаменъ. — Экзаменъ въ Академіи Наукъ. — Отправленіе въ Дерптъ	10
III. Приѣздъ въ Дерптъ. — В. М. Перовщиковъ, наблюдатель за профессорскими студентами. — Семейство профессора Мойера. — Научныя занятія. — Полученіе золотой медали. — Докторскій экзаменъ. — Отправленіе за границу, тамошнія занятія. — Вліяніе Лангенбека. — Возвращеніе въ Россію. — Болѣзнь въ Ригѣ	17
IV. Предложеніе Мойера. — Поѣздка въ Петербургъ и петербургскія впечатлѣнія. — Выборъ въ экстраординарные профессора Дерптскаго Университета. — «Анналы хирургической клиники». — Поѣздка въ Парижъ. — «Чингисхановы нашествія». — Ученые труды Дерптскаго періода.	28
V. Хлопоты о переводѣ въ С.-Петербургъ. — Проектъ учрежденія кафедръ госпитальной хирургіи. — Переводъ въ С.-Петербургскую Медико-Хирургическую Академію. — «Вуцефалова глухость». — Устройство Анатомическаго Института и Музей патологической анатоміи. — Командировка на Кавказъ. — Первая аудіенція у В. К. Елены Павловны. — Холера въ Петербургѣ. — Ученые труды петербургскаго періода.	38
VI. Стремленіе Пирогова на театръ военныхъ дѣйствій. — Проектъ великой княгини Елены Павловны. — Община сестеръ милосердія. — Прибытіе въ Севастополь. — Введеніе Пироговымъ системы сортировки раненныхъ. — Главный перевязочный пунктъ въ Дворянскомъ собраніи. — Отъѣздъ Пирогова въ Петербургъ. — Вторичный приѣздъ въ Крымъ. — Дѣятельность въ Симферополѣ — «Начала общей военно-полевой хирургіи»	52
VII. «Морской Сборникъ». — «Вопросы жизни». — Назначеніе попечителемъ въ Одессу. — Первое посѣщеніе новаго попечителя. — Отношеніе къ учителямъ и ученикамъ. — Литературныя бесѣды. — Сотрудничество въ «Одескомъ Вѣстникѣ». — «Быть и казаться»	64
VIII. Приѣздъ въ Кіевъ. — Университетскій вопросъ. — Воскресныя школы. — Циркуляры по учебному округу. — Пироговъ — мировой посредникъ. — Командировка за границу	75
IX. Жизнь въ деревнѣ. — Хирургическая практика. — Осмотръ военно-санитарныхъ учрежденій въ франко-прусскую войну (1870). — Осмотръ военно-санитарныхъ учрежденій въ русско-турецкую войну (1878). — Юбилейное торжество въ Москвѣ. — Болѣзнь и смерть. — Заключеніе.	88

МАТЕРИАЛОМЪ для составленія настоящаго біографическаго очерка послужили главнымъ образомъ «Посмертныя записки Н. И. Пирогова» («Русская Старина», 1884 г. Сентябрь — Декабрь, и 1885 г. Январь — Февраль). Но и въ другихъ его статьяхъ какъ медицинскаго содержанія, такъ въ особенности и публицистическаго (Сочиненія Н. И. Пирогова. С.-Петербургъ. 1887. Томъ II) мы находимъ много эпизодовъ и замѣтокъ, носящихъ автобіографическій характеръ.

Кромѣ того мы пользовались слѣдующими источниками:

1) *Розановъ*, Выписка изъ метрическихъ книгъ о рожденіи Н. И. Пирогова. («Русская Старина», 1881).

2) *Н. Тихонравовъ*, Николай Ивановичъ Пироговъ въ московскомъ университетѣ. (1824—1828). Справки изъ документовъ университетскаго архива. Москва. 1881.

3) *Album Academicum* der Kaiserlichen Universität Dorpat. Bearbeitet von A. Hasselblatt und Dr. G. Otto.

4) *Л. О. Змеевъ*, Русскіе врачи писатели. С.-Петербургъ, 1886—1887.

5) *Biographisches Lexicon* der hervorragendsten Aerzte. (Биографическая замѣтка о Пироговѣ составлена проф. L. Stieda, бывшимъ проф. анатоміи въ Дерптѣ, нынѣ въ Кенигсбергѣ).

6) *Фробенъ, Л.* О дѣятельности Н. И. Пирогова въ дерптскомъ университетѣ. (Протоколы и труды Русскаго Хирургическаго Общества Пирогова за 1882—83 гг. С.-Петербургъ, 1883; стр. 133—150).

7) *Каде, Э.* Воспоминаніе о Н. И. Пироговѣ. (Ibidem, стр. 74—98).

8) *Флоринскій, В. М.* Воспоминаніе о дѣятельности Н. И. Пирогова въ С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи. (Ученыя записки казанскаго университета, 1881).

9) *Стоюнинъ, В. Я.* Педагогическія сочиненія. С.-Петербургъ. 1892.

10) *Ушинскій*. Педагогическія сочиненія Пирогова. (Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія. 1892).

11) *Острогорскій*. Русскіе педагогическіе дѣятели. С.-Петербургъ, 1888.

12) *Добровъ, Л.* Воспоминанія о Н. И. Пироговѣ: одесскій періодъ его дѣятельности. («Русская Старина», 1885, Іюнь).

Наконецъ рядъ мелкихъ статей и замѣтокъ о Н. И. Пироговѣ, разбросанныхъ какъ въ общей, такъ и въ медицинской печати.

I.

Раннее дѣтство.—Домашняя обстановка.—Ученіе азбуки по карриатурамъ на французовъ.—Раннее чтеніе.—Первые учителя.—Пансіонъ Кряжева.—Разореніе семьи Пироговыхъ.—Совѣтъ Е. О. Мухина.—Поступленіе въ университетъ.

13 Ноября 1810 года у казначея Московскаго провіантскаго депо, Ивана Ивановича Пирогова, происходило весьма частое въ его семейной жизни торжество: у него родился тринадцатый ребенокъ, мальчикъ Николай,—будущій «хирургъ-мыслитель». «Мальбѣхъ въ братіи моей и юнѣйшій въ домѣ отца моего», говоритъ по этому поводу въ своихъ «Запискахъ» самъ Н. И.

Родители Пирогова жили въ то время въ собственномъ домикѣ въ приходѣ Троицы, въ Сыромятникахъ. Черезъ два года, во время нашествія французовъ семья Пироговыхъ, какъ и остальное населеніе Москвы, должна была бѣжать изъ города; Пироговы поѣхали во Владиміръ. По возвращеніи въ Москву отецъ Пирогова построилъ новый домъ.

Обстановка, въ которой протекало дѣтство Пирогова, была чрезвычайно благопріятна. Отецъ его былъ отличный семьянинъ, и какъ онъ, такъ и мать горячо любили дѣтей. Средства къ жизни были болѣе, чѣмъ достаточны; отецъ сверхъ порядочнаго по тому времени жалованья занимался еще веденіемъ частныхъ дѣлъ. Вновь отстроенный домъ былъ просторный и веселый, съ небольшимъ, но хорошимъ садомъ, цвѣтниками, дорожками. Отецъ, любитель живописи и сада, разукрасилъ стѣны комнатъ и даже печки фресками какого-то доморощеннаго живописца, а садъ—бесѣдочками и разными садовыми играми. Въ саду были кегли, игры въ крючки и кольца. Нѣтъ ничего удивительнаго, что Пироговъ съ живостью и удовольствіемъ вспоминаетъ о своемъ дѣтствѣ и говоритъ, что «жизнь его ребенкомъ до 13 лѣтъ была весела и привольна, а потому не могла не оставить одни пріятныя воспоминанія».

Такая жизнь давала ребенку возможность свободно развиваться, и результатомъ ея было то, что мальчикъ въ 6 лѣтъ выучился грамотѣ шутя, по карриатурамъ на французовъ, изъ

даннымъ въ видѣ азбуки въ картинкахъ. Научившись читать, мальчикъ набросился конечно на чтеніе, и чтеніе дѣтскихъ книгъ было для него истиннымъ наслажденіемъ. Имъ овладѣла, какъ нѣмцы выражаются, *Le sewuth* (бѣшенство чтенія). Масса дѣтскихъ книгъ, бывшихъ тогда въ ходу («Зрѣлище вселенной», Золотое зеркало для дѣтей», «Дѣтскій вертоградъ», «Дѣтскій магнитъ», «Пальнавы и Эзоповы басни») были проглочены и потомъ прочитаны по нѣскольку разъ. Отецъ обыкновенно дѣлалъ дѣтямъ подарки книгами. Особенно сильное впечатлѣніе произвело на мальчика «Дѣтское Чтеніе» Карамзина, такъ что въ своихъ «Запискахъ» Пироговъ даже называетъ по именамъ разныхъ дѣйствующихъ тамъ лицъ, и этотъ подарокъ отца считаетъ самымъ лучшимъ въ своей жизни. Басни Крылова, — также очень нравились мальчику. Одинъ изъ посѣщавшихъ домъ Пироговыхъ читалъ эти басни очень хорошо. Маленькій Коля выучилъ самъ своею охотой «Квартетъ», «Демьянову Уху», «Тришкинъ Кафтанъ»; «какъ видно, пишетъ знаменитый ученый, нравились мнѣ наиболѣе юмористическія», вѣроятно благодаря тому, что грамотѣ онъ учился по юмористическимъ картинкамъ на обращенныхъ въ бѣгство французовъ.

Въ такой привольной и довольно интеллигентной обстановкѣ прошло домашнее воспитаніе Пирогова до поступленія въ школу. Мальчикъ занимался только тѣмъ, что его интересовало само по себѣ. На это жалуется семидесятилѣтній старецъ въ своихъ «Запискахъ», говоря, что культурой его внимательности никто и не думалъ заниматься, и считая это главнымъ пробѣломъ своего первоначальнаго воспитанія.

До 9 лѣтъ съ мальчикомъ занимались мать и сестра, потомъ онъ перешелъ въ руки учителей. Первымъ его учителемъ русскаго языка былъ студентъ университета. «Я помню довольно живо, говорить Пироговъ, молодого, красиваго человѣка и помню не столько весь его обликъ, сколько однѣ румяныя щеки и улыбку на лицѣ... Воспоминанія о щекахъ, улыбкѣ, туго накрахмаленныхъ воротничкахъ и бѣлыхъ съ тоненькими, синенькими полосками панталонахъ моего перваго учителя какъ то слились въ памяти съ понятіемъ о частяхъ рѣчи». Слѣдующіе два учителя, студентъ Московской Медико-хирургической Академіи, занимавшійся латинскимъ, и другой — французскимъ языкомъ, не оставили и такихъ внѣшнихъ впечатлѣній. Этотъ педагогическій триумvirатъ оставилъ въ памяти Пирогова очень немного и слѣдовательно для развитія его сдѣлалъ очень мало.

Одною изъ любимыхъ игръ мальчика была игра въ лекаря... Возникновеніемъ своимъ это весьма оригинальная игра обязана болѣзни старшаго брата Н. И., къ которому былъ наконецъ приглашенъ проф. Е. О. Мухинъ, имѣвшій большое значеніе въ дальнѣйшей жизни Пирогова. Обстановка визита знаменитости и поразительный эффектъ леченія произвели сильное впечатлѣніе на бойкаго и развитаго мальчика. Долгое время въ домѣ Пироговыхъ только и было разговору о Мухинѣ и его визитѣ. Въ одинъ прекрасный день маленькій Пироговъ «попросилъ кого-то изъ домашнихъ лечь въ кровать, а самъ, принявъ видъ и осанку доктора, важно подошелъ къ мнимо-больному, пощупалъ пульсъ, посмотрѣлъ на языкъ, далъ какой-то совѣтъ, вѣроятно, также о приготовленіи декокта, распрощался и вышелъ переважно изъ комнаты». Это представленіе забавляло, разумѣется, домашнихъ, и вызывало частыя повторенія. Будущій великій клиницистъ усовершенствовался и «сталъ разыгрывать роль доктора, посадивъ и положивъ нѣсколькихъ особъ, между прочимъ, и кошку, перелѣзшую въ даму: переходя отъ одного мнимобольнаго къ другому, онъ садился за столъ, писалъ рецепты и толковалъ, какъ принимать лекарства». «Не знаю, говоритъ Пироговъ, получилъ ли бы я такую охоту играть въ лекаря, если бы вмѣсто весьма быстрого выздоровленія братъ мой умеръ».

На 12 году Пирогова отдали въ частный пансіонъ Кряжева. В. С. Кряжевъ занималъ довольно видное мѣсто среди московскихъ педагоговъ того времени. Въ 1811 году онъ открылъ въ Москвѣ частный пансіонъ: «Своекоштное отечественное училище для дѣтей благороднаго званія». Программа пансіона была довольно широкая, потому что цѣлью его учрежденія было «доставить родителямъ средства воспитать дѣтей ихъ такъ, чтобы они могли быть способными для государственной службы чиновниками». Курсъ былъ шестилѣтній, распадавшійся на 3 разряда или класса, по два года въ каждомъ. Пансіонъ Кряжева пользовался очень хорошею репутаціей и считался однимъ изъ лучшихъ частныхъ пансіоновъ. Въ 1822 году, 5 февраля, Пироговъ поступилъ полупансіонеромъ въ этотъ пансіонъ. О своемъ пребываніи въ пансіонѣ онъ сохранилъ весьма хорошія воспоминанія, въ особенности о самомъ директорѣ Кряжевѣ, преподававшемъ новые языки, и о преподавателѣ русскаго языка Войцеховичѣ. Пироговъ былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ у Войцеховича. Впослѣдствіи ученикъ и учитель встрѣтились въ клиникѣ, гдѣ Войцеховичъ ле-

жалъ больной. Войцеховичъ былъ тронутъ посѣщеніемъ Пирогова и крайне удивленъ, что онъ пошелъ по медицинскому факультету, а не словесному. Во время пребыванія въ пансіонѣ Кряжева, Пироговъ основательно познакомился съ русскимъ и французскимъ языками. Латинскій языкъ, который онъ зналъ впоследствии превосходно, проходилъ въ пансіонѣ Кряжева плохо по винѣ неумѣлаго преподавателя-священника.

Во время пребыванія Пирогова въ пансіонѣ Кряжева на его семью обрушился рядъ нравственныхъ и матеріальныхъ катастрофъ: смерть сестры и брата, растрата казенныхъ денегъ другимъ братомъ и наконецъ вынужденный выходъ въ отставку отца Пирогова. Последнее, разумѣется, было тяжелымъ матеріальнымъ ударомъ и произошло по слѣдующимъ обстоятельствамъ. Одинъ изъ чиновниковъ комиссаріата былъ отправленъ на Кавказъ, чтобы отвезти туда 30,000 руб. Последній вмѣстѣ съ деньгами исчезъ безслѣдно, и И. И. Пироговъ, какъ казначей, неизвѣстно почему былъ привлеченъ къ отвѣтственности и долженъ былъ возмѣстить значительную часть этой суммы. Въ концѣ концовъ пришлось уплатить, и поэтому все имѣніе и все наличное имущество были описаны и взяты въ казну. Матеріальное положеніе семьи пошатнулось, и Николая пришлось взять изъ пансіона Кряжева, гдѣ плата за ученіе была довольно высокая. Не желая все-таки испортить карьеру мальчика, по отзывамъ учителей способнаго, отецъ Пирогова вздумалъ обратиться за совѣтомъ къ Е. О. Мухину, уже поставившему одного сына на ноги, — авось, поможетъ и другому.

Мухинъ принялъ участіе въ судьбѣ юноши и, какъ увидимъ ниже, благотѣльно повліялъ на его дальнѣйшую карьеру. Мухинъ посоветовалъ отцу Пирогова готовить своего 14-лѣтняго сына прямо къ вступительному экзамену на медицинскій факультетъ московскаго университета. Согласно этому совѣту Пироговъ, «еще наканунѣ игравшій со своими школьными товарищами въ саду въ солдаты, причеиъ отличился изумительною храбростію, разорвавъ нѣсколько сюртуковъ и надѣлавъ не мало синяковъ», былъ взятъ изъ пансіона Кряжева, пробывъ тамъ лишь около двухъ лѣтъ.

Для приготовленія его къ экзамену пригласили студента медицины, кончающаго курсъ, Θεоктистова, добраго и смирнаго человека, какъ характеризуетъ его въ своихъ воспоминаніяхъ Пироговъ. Этотъ студентъ поселился у Пироговыхъ и занимался съ Николаемъ главнымъ образомъ латинскимъ языкомъ.

Изъ знакомыхъ, бывавшихъ въ то время у отца Пирогова, осо-

бенно интересовали его двое: Григорій Михайловичъ Березкинъ и Андрей Михайловичъ Клаусъ, оба изъ врачебнаго, правда, низшаго персонала, старые сослуживцы московскаго воспитательнаго дома. Березкинъ толковалъ съ будущимъ медикомъ о медицинѣ, подарилъ ему какой-то писанный на латинскомъ языкѣ сборникъ съ описаніемъ въ алфавитномъ порядкѣ лекарственныхъ травъ. Словоохотливый Березкинъ — большой шутникъ — потѣшалъ мальчика своими постоянными шутками и прибаутками. Клаусъ, знаменитый оспопрививатель екатерининскихъ временъ, былъ оригинальнѣйшая и извѣстная тогда въ Москвѣ личность. Имѣя большую практику въ семьѣ И. И. Пирогова, у котораго было 14 человѣкъ дѣтей, старикъ Клаусъ обязательно навѣщалъ Пироговыхъ въ табельные дни. Любознательнаго мальчика онъ особенно занималъ имѣвшимся всегда при немъ маленькимъ микроскопомъ.

«Раскрывался, вспоминаетъ Пироговъ, черный ящикъ, вынимался крошечный, блестящій инструментъ, брался цвѣтной лепестокъ съ какого-нибудь комнатнаго растенія, отдѣлялся иглой, клался на стеклышко, и все это дѣлалось тихо, чинно, аккуратно, какъ будто совершалось какое-то священнодѣйствіе. Я не сводилъ глазъ съ Андрея Михайловича и ждалъ съ замѣраніемъ сердца минуту, когда онъ приглашалъ взглянуть въ его микроскопъ.

— Ай, ай, какая прелесть! Отчего это такъ видно, Андрей Михайловичъ?

— А это, дружокъ, тутъ стекла вставлены, что въ 50 разъ увеличиваютъ. Вотъ, смотри-ка. Слѣдовала демонстрація».

Занятія съ Теокистовымъ не были обременительны и шли успѣшно. Ученикъ дѣтски радовался, что готовится въ университетъ, и занимался прилежно. Ему доставляло наслажденіе разсматривать медицинскія книги Теокистова. А когда однажды Теокистовъ принесъ каталогъ университетскихъ лекцій, будущій студентъ разбиралъ его съ какимъ-то невыразимо-пріятнымъ трепетомъ и спрашивалъ своего ментора, какія лекціи онъ будетъ слушать, поступивъ въ университетъ.

Желанный моментъ наконецъ наступилъ. 11 сентября 1824 года, въ правленіе московскаго университета поступило собственноручное прошеніе Пирогова:

«Родомъ я изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, сынъ комиссіонера 9-го кл., Ивана Пирогова, отъ роду имѣется мнѣ 16 лѣтъ, обучался на первое въ домѣ родителей моихъ, а потомъ въ пансіонѣ г-на Кряжева: Закону Божию, русскому, латинскому, нѣмецкому и французскому языкамъ, исторіи, географіи, ариметикѣ и геометріи. Нынѣ-же желаю ученіе мое продолжать въ семъ университетѣ въ званіи студента; почему правленіе Императорскаго московскаго университета покорнѣйше прошу допустить меня по надлежащему испытанію къ слушанію профессорскихъ лекцій и включить въ число своекоштныхъ студентовъ медицинскаго отдѣленія. Свидѣтельство-же о родѣ моемъ и лѣтахъ при семъ прилагаю».

Приложенное вмѣсто метрики свидѣтельство, выданное 4 сентября 1824 года изъ комиссіи московскаго Коммиссаріатскаго Дѣпо, удостовѣряло, что Николай Пироговъ имѣетъ нынѣ отъ роду «шестнадцать лѣтъ». Ему не было еще полныхъ 14 лѣтъ, и лѣта его были показаны невѣрно, чтобы открыть доступъ въ университетъ: въ то время никто не могъ вступить въ студенты, не имѣя 16 лѣтъ отъ роду. Въ числѣ представленныхъ документовъ находилось и свидѣтельство изъ пансіона Кряжева о двухгодичномъ пребываніи тамъ Пирогова.

«Вступленіе въ университетъ, говоритъ Пироговъ, было такимъ для меня громаднымъ событіемъ, что я, какъ солдатъ, идущій на бой, на жизнь или смерть, осилилъ и перемогъ волненіе и шелъ хладнокровно». На экзаменѣ въ качествѣ декана факультета присутствовалъ и Мухинъ, что дѣйствовало ободряющимъ образомъ на экзаменующагося. Экзаменаторами были проф. Мерзляковъ, Котельницкій и Чумаковъ. Экзаменъ сошелъ благополучно. Профессоры остались довольны отвѣтами и подали въ такомъ смыслѣ донесеніе правленію университета. Студента-ребенка отецъ повезъ въ кондитерскую и угостилъ шоколадомъ.

II.

Московскій университетъ 20-хъ годовъ.—Профессоры, студенты.—Десятый номеръ.—Смерть отца.—Окончательное разореніе семьи.—Предложеніе Е. О. Мухина записаться въ профессорскій институтъ.—Выборъ хирургіи своею спеціальностью.—Лекарскій экзаменъ.—Отправленіе въ Петербургъ.—Экзаменъ въ Академіи Наукъ.—Отправленіе въ Дерптъ.

Московскій университетъ двадцатыхъ годовъ представлялъ собою по составу профессоровъ довольно безотрадное зрѣлище. За весьма немногими исключеніями большинство профессоровъ отличалось своею бездарностью, отсутствіемъ знанія и совершенно чиновничьимъ отношеніемъ къ дѣлу преподаванія. Такіе преподаватели не могли импонировать своимъ слушателямъ и заинтересовать ихъ. Они вносили, по выраженію Пирогова, въ университетское преподаваніе «комическій элементъ».

Одни изъ этихъ почтенныхъ ученыхъ вмѣсто изложенія науки занимали студентовъ семейными хрониками и проповѣдями о нравственности. Другіе «читали» студентамъ не лекціи и даже не свои тетрадки (записки), а просто-на-просто старые учебники, да и то

съ ошибками. У третьяго «комика» въ началѣ каждой лекціи прочитывался протоколъ предыдущей лекціи: «на прошедшей лекціи 1824 года такого-то числа Василій Григорьевичъ такой-то, на-дворный совѣтникъ и кавалеръ, излагалъ своимъ слушателямъ то-то и то-то»... На лекціяхъ этихъ профессоръ-чудаковъ собирались студенты разныхъ даже факультетовъ ради потѣхи и, какъ истые школьники, превращали самыя лекціи въ балаганныя представленія. Благодарный матеріалъ для студенческихъ проказъ заключался въ тогдашней системѣ контроля занятій студентовъ, въ системѣ переключекъ по спискамъ на лекціяхъ. Нѣкоторые профессора, придерживаясь усердно системы переключекъ, получили наконецъ неизъяснимое отвращеніе къ тѣмъ слушателямъ, которые не значились въ спискахъ. Этою антипатіей къ постороннимъ слушателямъ, къ чужакамъ, какъ ихъ называли, и пользовались студенты. Они нарочно приводили въ аудиторіи профессоръ-чужебдовъ постороннихъ лицъ, а потомъ уже во время лекціи заявляли о присутствіи «чужаковъ» и устраивали изгнаніе пришельцевъ съ достаточнымъ шумомъ и гамомъ.

Внѣшнія отношенія профессоръ къ студентамъ на лекціяхъ носили на себѣ характеръ какой-то патріархальной халатности. Профессоры говорили слушателямъ «ты», остряли надъ ними. Такъ, Мудровъ, одинъ изъ выдающихся тогдашнихъ профессоръ медицинского факультета, однажды на лекціи о нервной психической болѣзни учителей и профессоръ, обнаруживающейся какою-то непреодолимою боязнью уже при входѣ въ аудиторію, сказалъ своимъ слушателямъ: «а чего бы васъ-то бояться, вѣдь вы — бараны», а аудиторія наградила его за эту остроуту общимъ веселымъ смѣхомъ.

Нечего и говорить, что преподаваніе естественныхъ и медицинскихъ наукъ было совершенно лишено демонстративнаго характера. Лекціи читались по руководствамъ 1750-тыхъ годовъ, когда даже въ рукахъ у студентовъ были болѣе новые учебники текущаго столѣтія. Единственное почти исключеніе составляло преподаваніе анатоміи. Профессоромъ анатоміи былъ тогда въ московскомъ университетѣ Юстъ Христіанъ Лодеръ, личность оригинальная, выдающаяся и европейская знаменитость. Его наглядное и демонстративное преподаваніе заинтересовало Пирогова, и послѣдній съ увлеченіемъ занимался анатоміей, но только теоретически, потому что практическихъ занятій на трупахъ (препарованіе) не существовало въ то время.

Другую основную науку медицинскаго факультета—физиологію читалъ Ефремъ Осиповичъ Мухинъ, игравшій столь значительную роль въ судьбѣ Пирогова. Мухинъ былъ собственно специалистомъ по внутреннимъ болѣзнямъ и имѣлъ въ Москвѣ громадную практику. Къ профессорскимъ обязанностямъ онъ по-своему относился добросовѣстно и прочитывалъ свою физиологію (по иностранному руководству съ добавленіями и комментаріями) отъ доски до доски. Лекціи Мухина не отличались, повидимому, ни содержательностью, ни формой, потому что Пироговъ, аккуратно посѣщая ихъ въ теченіи 4 лѣтъ, «ни разу не могъ дать себѣ отчетъ, выходя съ лекціи, о чемъ собственно читалось; это онъ приписывалъ собственному невѣжеству и слабой подготовкѣ, ни разу не усомнясь въ глубокомысліи наставника».

Клиницисты-профессоры того времени не могли оказать особенное вліяніе на Пирогова. Терапевтъ М. Я. Мудровъ, тогдашняя московская знаменитость, принесъ ему пользу только тѣмъ, что безпрестанно толковалъ о необходимости учиться патологической анатоміи, о вскрытіи труповъ, и тѣмъ поселилъ въ немъ желаніе познакомиться съ этою наукой. Хирургъ Ф. А. Гильдебрандтъ, искусный и опытный практикъ, умный острякъ, какъ профессоръ однако былъ изъ рукъ вонъ плохъ. Онъ такъ сильно гнулъ, что, стоя въ двухъ-трехъ шагахъ отъ него, на лекціи нельзя было ни слова понять, тѣмъ болѣе, что онъ читалъ и говорилъ всегда по-латыни. Лекціи его и его адъюнкта Альфонскаго состояли въ перефразировкѣ изданнаго Гильдебрандтомъ тощаго учебника хирургіи на латинскомъ языкѣ. Объ упражненіяхъ въ операціяхъ на трупахъ не было и помину. Изъ операцій на живыхъ Пирогову случилось видѣть только нѣсколько разъ литотомію (вырѣзываніе камней) у дѣтей и только однажды ампутацію голени.

Гораздо сильнѣе, нежели вліяніе профессоровъ, было на мальчика-студента вліяніе старшихъ товарищей. Въ виду отдаленности дома Пироговыхъ отъ университета, онъ проводилъ обѣденное время у своего бывшаго учителя Θεоктистова и только вечеромъ, т. е. въ 4—5 часовъ возвращался домой. Θεоктистовъ былъ казенно-коштнымъ студентомъ и жилъ въ общежитіи съ пятью другими товарищами въ № 10 корпуса студентскихъ квартиръ. Впечатлѣнія, вынесенныя изъ ежедневныхъ посѣщеній 10 номера, были чрезвычайно разнообразны. «Чего я не насмотрѣлся и не наслушался въ 10 номерѣ!» говоритъ Пироговъ. Споры объ отвле-